

© 2024 г. Л.В. ЛАННИК

МЕТАМОРФОЗЫ ПРЕВОСХОДСТВА: ГЕРМАНСКИЕ ВОЕННЫЕ МИССИИ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА КАК (ПОСТ)ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЭКСПАНСИИ

Ланник Леонтий Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211606261; ORCID: 0000-0003-4313-5557; Researcher ID: ABD-9832-2020

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00482 «Трансформации идей превосходства на Западе и в России в конце XIX в. — начале XXI в.».

Аннотация. Поражение Германии в Первой мировой войне деформировало развитие ее вооруженных сил, однако не заставило отказаться от замысла ревизии Версальского мира. Резкое сокращение рейхсвера и рейхсмарине и политические кризисы обострили проблему сохранения кадрового потенциала. Одним из инструментов ее преодоления стало возобновление военных миссий в различной форме и на разных континентах. Как официальные, так и начавшиеся еще ранее неофициальные миссии формировали будущие альянсы и позволяли обойти ограничения. Многие сюжеты из истории такого рода активности в СССР, Китае, Японии, некоторых странах Латинской Америки хорошо известны, какие-то направления остаются почти неизученными, а значение их недооценивается — в Финляндии, Турции, Ираке, Афганистане и т.д. Условия работы зависели от конъюнктуры международных отношений и от традиций сотрудничества, заложенных еще до 1914 г. и испытывавших мощное воздействие Великой войны. Историография проблемы продолжает развиваться, однако фокусируется на двусторонних отношениях и не использует компаративные методы. Целостного рассмотрения феномена, необходимого для корректной оценки явления в истории межвоенного периода, пока не проводилось. Несмотря на ряд проблем с источниками и специфику историографии, исследование германских военных миссий позволит оживить целый ряд направлений, включая дискуссию о континуитете германской внешней политики, дальнейшее развитие транснациональной истории и анализ трансформации идей превосходства и самоидентификации европейских элит.

Ключевые слова: германское офицерство, рейхсвер, рейхсмарине, транснациональная история, военные миссии, межвоенный период, идеи превосходства, Веймарская республика, Турция, Китай, Япония, Латинская Америка.

L.V. Lannik**Metamorphoses of Superiority: German Military Missions in the Interwar Period as a (Post)Traumatic Experience of Expansion***Leontiy Lannik, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).**E-mail: leo-lannik@yandex.ru**Scopus Author ID: 57211606261; ORCID: 0000-0003-4313-5557; Researcher ID: ABD-9832-2020**The study was funded by the Russian Science Foundation grant № 20-18-00482 “Transformations of the Ideas of Superiority in the West and Russia in the late 19th – early 21st centuries”.*

Abstract. Germany's defeat in the Great War deformed the development of its armed forces, yet did not force it to abandon the idea of revising the Versailles Peace. The sharp reduction of the Reichswehr and the Reichsmarine, as well as political crises, exacerbated the problem of maintaining human resources. One of the tools for its preservation was the resumption of military missions in different forms and on different continents. Both official and unofficial missions, initiated earlier, formed future alliances and made it possible to circumvent many restrictions. Many of the sites of these activities – in the USSR, China, Japan, some Latin American countries – are well known, some remain virtually unknown and their significance is greatly underestimated, e.g. in Finland, Turkey, Iraq, Afghanistan, etc. The circumstances of this activity were shaped by multiple factors and depended on the conjuncture of international relations, as well as on the traditions of co-operation established prior to 1914 and greatly affected by the Great War. The historiography of the problem continues to grow, but concentrates on bilateral relations and lacks comparative approaches. A holistic examination of these German military missions, which is necessary for a proper assessment of this phenomenon in the history of the interwar period, has not yet been undertaken. Despite a number of source-related and historiography-specific problems, the study of German military missions will allow for the development of a number of research directions, including a discussion of continuity in German foreign policy, further development of transnational history, and analysis of the transformation of ideas of superiority and self-identification of European elites.

Keywords: German officer corps, Reichswehr, Reichsmarine, cross-national history, interwar period, military missions, ideas of supremacy, Weimar Republic, Turkey, China, Japan, Latin Amerika.

Первая мировая война привела к коренной трансформации всех составляющих военно-политических потенциалов, в том числе военных элит¹, как имперских, так и национальных. Продиктованные победителями параметры послевоенного устройства означали начало нового и крайне трудного этапа в истории многих армий и флотов мира, в первую очередь тех стран, что были причислены к проигравшим и «виновным» в развязывании конфликта. Проходившая в крайне нестабильной социально-экономической обстановке демобилизация миллионных армий оставалась базовым содержанием истории вооруженных сил всех великих держав в первые послевоенные годы. В сочетании с диктатом победителей, политическим и национальным расколом, травматическим опытом Великой войны переход армий и флотов на условия мирного времени, уже тогда воспринимавшегося лишь как межвоенное, не мог не быть драматическим, а в распавшихся и переживших радикальные политические перемены империях – трагическим. Однако всякий кризис и чрезвычайные условия для военных элит становились мотивом к напряженному поиску новых путей «как жить по-старому», а также к разработке способов дальнейшей реализации впитанных за

¹ Компаративных сравнений военных элит, особенно межвоенного периода, фактически не проводится. Сборники статей лишь частично решают эту проблему: *Gehirne der Armeen? Die Generalstäbe der europäischen Mächte im Vorfeld der Weltkriege* / Hrsg. von L. Grawe. Paderborn, 2023. При этом образцы подобного исследования с фокусировкой на России существует уже около четверти века: *Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...»: Запад и военная элита России (1900–1914 гг.). М., 2001.*

десять лет установок и отстаивания на практике мировоззрения, сложившегося в предшествующую эпоху.

Особенно показательной в этом отношении является история германского офицерства в межвоенный период. Версальский диктат, крушение монархии и ряд политических кризисов в становлении 100-тысячного рейхсвера и 15-тысячного рейхсмарине², а также убеждение в необходимости комплексных усилий для восстановления великодержавного статуса Германии — пусть (пока) не монархической — привели к до сих пор недооцениваемым в историографии появлению сразу нескольких проблем в истории межвоенного периода. Германские военные миссии за рубежом в 1919–1939 гг. сыграли важнейшую роль не только в эволюции вооруженных сил тех или иных государств, но и во внешней политике Германии, в складывании условий для повторной глобальной схватки, а также для принципиальных перемен в подходах германских военных к потенциальным союзникам, особенно за пределами Европы. «Правила игры» с правительством Веймарской республики и рядом антиреспубликанских сил правого спектра подрывались серией острых кризисов 1919–1923 гг., а выстроенный модус квази-аполитичных вооруженных сил оказался крайне не хрупким, будучи скорее предметом консенсуса, нежели укоренившимся в офицерских кругах убеждением. Как минимум на индивидуальном уровне это сказывалось на оценке перспектив всякой миссии за рубежом. Разная степень официальности военных эмиссаров, одиночный характер, а то и глубокая конспирация, как и недооцениваемая связь деятельности «эмигрантов», особенно политических, с упорно преследуемой германскими центральными инстанциями целью ревизии версальского мироустройства, обеспечили недостаточное исследование феномена в целом, несмотря на обилие интересных мемуарных свидетельств³ и блестящие разработки отдельных сюжетов и направлений. По сравнению с русской военной, политической и дипломатической эмиграцией или расколотой между рядом государств бывшей военно-чиновничьей габсбургской верхушкой германские элиты, даже наиболее оппозиционно настроенные к Веймарской республике, имели куда больше возможностей для содействия отечеству, несмотря на более жесткое давление версальского мироустройства и необратимые перемены 1917–1919 гг.

До лета 1914 г. Кайзеррейху приходилось лишь «учиться быть империей»⁴, однако за почти полвека, опираясь на свой демографический, культурный и индустриальный потенциал, он сумел создать прочные плацдармы для комплексного влияния на нескольких континентах. Несмотря на позитивную для Германии динамику межимперской конкуренции, многие возможности и инструменты в рамках прежней системы международных отношений к началу Великой войны были исчерпаны. Предоставленные победами кайзеровских армий возможности, максимум которых пришелся на зиму–лето 1918 г.⁵, оказались иллюзорными. Поражение поставило страну перед перспективой окончательной утраты статуса великой державы, а одним из базовых параметров послевоенного мироустройства Антанта

² См.: Ланник Л.В. Политические факторы трансформации кайзеровской военной элиты: на пути к рейхсверу 1918–1921 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 3 (27). С. 324–332; *Ego же*. Проблема сохранения кадрового потенциала германского офицерства в условиях версальских ограничений // Первая мировая война, Версальская система и современность. Вып. 3. СПб., 2015. С. 343–354.

³ Ни в Германии, ни за ее пределами почти не востребован исследователями труд баварского генштабиста Г. фон Кисслинга, хотя он не только был одним из важнейших профессиональных критиков недостатков германской военной машины, но и имел интереснейшую биографию, побывав с миссиями в Москве, Риме, Чили, Константинополе, Месопотамии и Персии, Палестине и Дамаске, а после «бурных лет» в Мюнхене еще раз в Чили, где остался навсегда, не взирая на членство в НСДАП: *Kiesling auf Kieslingstein H.v. Soldat in drei Weltteilen*. Leipzig, 1935.

⁴ *Grimmer-Solem E. Learning Empire: Globalization and the German Quest for World Status, 1875–1919*. Cambridge, 2021.

⁵ См.: Ланник Л.В. Непосильная гегемония. Германская империя на фронтах Гражданской войны в России. СПб., 2023.

сделала достаточные — как казалось в 1919–1920 гг. — меры для ликвидации возможностей к восстановлению военно-политического потенциала Германии.

Любую неофициальную (не говоря об официальной) работу германских специалистов и инструкторов за рубежом должны были курировать военные атташе, флотские атташе, к которым к концу 1930-х годов добавились и атташе из восстановленных германских ВВС. Система атташе при основных дипломатических представительствах и до Великой войны была развита далеко не достаточно⁶, затем серьезно деформирована военными перипетиями, а под влиянием версальских ограничений была в начале 1920-х годов на 5–10 лет ликвидирована вовсе⁷. Это гарантировало исключительную важность (и крайне слабую известность) неофициальных военных миссий, о которых на Вильгельмштрассе могли лишь подозревать, серьезно опасаясь внезапной резкой реакции Антанты. Постепенно и в Веймарской республике была признана необходимость официальных (и более контролируемых) военных представителей. Военные атташе приобрели важнейшее значение, хотя детали ряда их миссий останутся неизвестными из-за утраты многих германских военных архивов. Работа данного института исследована до сих пор частично⁸, многие основные сюжеты деятельности атташе становятся известны постепенно, по мере биографических исследований или разнообразных case-studies регионального фокуса. В Берлине подготовкой или контролем за офицерами (даже формально давно уволенными в запас), находящимися с различными миссиями за рубежом, занимался отдел иностранных армий (Т 3, в том числе Э. Кюленталь, К. Либманн, Ф. фон Бёттихер), один из наиболее профессиональных в нелегальном Генеральном штабе Германии. Лишь в 1928–1930 гг. часть из этих миссий (например, в Японии, но не в Испании, где действовал В. Канарис) оказалась предана огласке в рамках нашумевшей «аферы Ломанна»⁹, вскрывшей факты секретного перевооружения вооруженных сил и стоившей поста министру рейхсвера О. Гесслеру, главе рейхсмарине Х. Ценкеру и повлекшей многочисленные перестановки в рейхсвере, призванные скрыть руководителей нелегальной сети военных агентов влияния. Международный контекст скандала достаточно умело скрыли за внутривнутриполитическими дрызгами, что можно считать следствием целенаправленного воздействия на общественное мнение заинтересованных инстанций.

Бывшие кайзеровские офицеры, намеренные продолжить службу на благо отечества в составе иностранных армий, на европейской арене имели крайне узкий спектр возможностей. Служба в армиях стран-победительниц и созданных ими новых соседей Германии была исключена, хотя симпатии и антипатии варьировались в зависимости: от взаимных территориальных и исторических претензий, от предыстории становления независимых государств (и роли в этом Кайзеррейха), от возможностей и положения стран, вынужденных искать различные источники военно-политической состоятельности (как Литва, например) или гарантий от непростого соседства (как Финляндия, Эстония и Румыния). Колониальные владения Антанты достигли максимальных пределов, но не могли предоставить шанса на закрепление германского влияния, по меньшей мере до распада англо-французского блока и частичной переориентации их союзников (Италии и Японии). Это не исключало

⁶ Например, в Китае атташе не было вообще, как и в скандинавских странах, а отделения военно-морского атташе в Османской империи от прочих балканских стран начали добиваться лишь накануне войны: *Giessler K.-V.* Die Institution des Marineattachés im Kaiserreich. Boppard a.R., 1976; *Gräwe L.* Deutsche Feindaufklärung vor dem Ersten Weltkrieg: Informationen und Einschätzungen des deutschen Generalstabs zu den Armeen Frankreichs und Russlands 1904 bis 1914. Paderborn, 2017.

⁷ *Meisner M.O.* Militärattachés und Militärbevollmächtigte in Preussen und im Deutschen Reich: Ein Beitrag zur Geschichte der Militärdiplomatie. Berlin, 1957; *Kehrig M.* Die Wiedereinrichtung des deutschen Attachédienstes nach dem Ersten Weltkrieg (1919–1933). Boppard a.R., 1966; *Giessler K.-V.* Op. cit. S. 246–253.

⁸ Попытка закрыть лакуну хотя бы о военно-морских атташе: *Riccus W.* Die Institution der Marineattachés. Berlin, 2023.

⁹ См. подробнее: *Remmele B.* Die maritime Geheimrüstung unter Kapitän z.S. Lohmann // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1997. № 56. S. 313–376.

прогерманских симпатий в некоторых частях Британской империи (в Южно-Африканском Союзе, например, а тем более в Индийском Союзе), однако не открывало возможностей для немцев-эмигрантов систематически влиять на военную и политическую элиту доминионов и колоний. В известной степени так же обстояли дела в США, где по итогам единственной крупной кампании 1918 г. многие осознали необходимость компетентного сотрудничества для развития массовой армии¹⁰. Но официальная германская миссия была невозможна ни в рамках базовых конструкций Версальской системы, ни хотя бы по соображениям престижа великой державы.

Армии и флоты проигравших государств были чрезвычайно сокращены, не оставляя даже теоретических кадровых возможностей. Отношения с нейтральными государствами с осени 1918 г. оставались натянутыми, так что даже симпатизировавшие Германии военные элиты Швеции, Испании, в меньшей степени Швейцарии и Нидерландов рисковали вызвать недовольство Антанты в случае поступления на службу в их вооруженные силы и минимального количества офицеров с таким трудом разбитой армии. Политика к ограничению вооружений, продолжавшаяся до начала 1930-х годов, диктовала перспективу сокращения вооруженных сил, а не привлечения «безработных» зарубежных специалистов сколь угодно высокого класса, включая офицеров генштаба и летчиков. Последние пытались продолжить совершенствование навыков в качестве испытателей новых, якобы гражданских, моделей, пилотов возникавшей в межвоенный период сети авиамаршрутов, подвизались в различных спортивных союзах, где вели подготовку будущего резерва люфтваффе, получив даже некоторые плюсы от особенностей работы в «версальских» условиях¹¹. Несколько меньше шансов — в связи со спецификой, а также из-за крайне негативного восприятия действий кайзеровских субмарин — было у офицеров-подводников, хотя они имели ценнейший опыт действий самого перспективного рода военно-морских вооружений.

В сотрудничестве с германскими офицерами различного статуса — от официальных эмиссаров до принявших новое гражданство эмигрантов — более заинтересованы были страны, менее подверженные давлению Версаля, в первую очередь Советская Россия/СССР¹². Либо приграничные с последним государства, усилению вооруженных сил которых придавалось Антантой такое значение, что могли быть сделаны определенные послабления ради германских инструкторов, в первую очередь в армиях Финляндии, в меньшей степени Эстонии и Литвы. В сфере возможного оставались контакты с румынской военной элитой, сохранившей прогерманское крыло и после 1918—1919 гг., а также экзотические проекты участия в становлении Албанского государства.

Контроль Антанты оказывался куда слабее вне Европы. Развитию вооруженных сил ряда независимых, но крайне уязвимых государств Ближнего и Среднего Востока, за исключением сумевшей отстоять независимость кемалистской Турции и до некоторой степени Ирана во главе с новой династией Пехлеви, в Лондоне и Париже уделяли заведомо слабое внимание. Репутация германских офицеров была достаточно высока, однако порой отягощалась опытом противостояния в Великой войне. Желавших испытать себя в Йемене, Неджде и Хиджазе, а затем в Саудовской Аравии, как и в глубинах Центральной Азии, было очень немного, а потому данные направления так и остались теоретическими в общей картине подготовки потенциальных союзников в новой схватке с Британской империей и ее партнерами. Куда более перспективным направлением работы считался Египет,

¹⁰ Это привело к регулярным командировкам, визитам высших офицеров рейхсвера и стажировкам ряда специалистов по меньшей мере до 1933 г. Первой крупной миссией подобного рода была поездка в 1922 г. в США Ф. фон Бёттихера, будущего военного атташе в Вашингтоне в 1933—1941 гг.: Beck A. M. *Hitler's Ambivalent Attaché: Gen. Lt. Friedrich von Boetticher in America 1933—1941*. Washington, 2005.

¹¹ Budraß L. *Flugzeugindustrie und Luftrüstung in Deutschland 1918—1945*. Düsseldorf, 1997.

¹² Крайне популярная некогда тема сотрудничества рейхсвера, а затем вермахта с РККА нуждается в историографической «перезагрузке», однако имеющихся об этом в историографии сведений достаточно, чтобы перейти к постановке данного направления работы по использованию германского кадрового потенциала в контекст комплексных усилий подобного рода в других странах мира.

но британский контроль, несмотря на активное антиколониальное движение, оставался здесь слишком сильным для широкой деятельности германских эмиссаров, хотя заложенные в годы Великой войны и даже до нее археологом и дипломатом М. фон Оппенхаймом¹³ связи поддерживались, в том числе послом в Каире (а позднее в Кабуле) Х. Пильгером.

Специфические возможности открывались для любителей экзотики и в Абиссинии. В годы Первой мировой войны лишь драматическая борьба за престол при самом активном вмешательстве Антанты предотвратила сближение Аддис-Абебы с Османской империей и Германией, начавшееся еще при Менелике II и продолжавшееся вплоть до свержения Иясу V осенью 1916 г. В межвоенный период, особенно после вступления на престол Хайле Селассие I в 1930 г., Абиссиния активно искала военных инструкторов и поставщиков оружия, так что на службе в эфиопской армии оказались бывшие османские (Вехиб-паша), русские (Ф. Коновалов) и, видимо, германские офицеры. Заинтересованная в апробировании возможных союзников на колониальной периферии, а также в подрыве возможностей Муссолини к самостоятельной политике, именно Германия в конце 1935 — начале 1936 г. согласилась продать Абиссинии крупную партию вооружения, что не помешало признать аннексию страны Италией, когда цель — складывание с осени 1936 г. «оси» Берлин — Рим — была достигнута.

Основное внимание Вильгельмштрассе, а также весомые результаты следует констатировать на ключевых для германской внешней политики межвоенного периода направлениях в Азии: Турции, Иране, Афганистане, Китае, Японии. Благодаря победе кемалистов в войне за независимость Турции и заключению Лозаннского мира именно с Мустафой Кемалем связывали основные надежды на дальнейшую ревизию антантовского миропорядка не только в Москве, но и в Берлине. Несмотря на крайне выдержанный и самостоятельный курс Турецкой республики во внешней политике, а также слухи о неприятии Ататюрком германских агентов влияния по итогам тесного сотрудничества Кайзеррейха и Османской империи¹⁴, систематическая работа по развитию старых и обретению новых каналов воздействия¹⁵ для будущего совместного выступления продолжалась и в межвоенный период. Первым военным атташе в Анкаре стал Г. Роде, который прибыл в Порту еще в 1910 г., так что успел поучаствовать в Балканских войнах, вернулся в Османскую империю к концу Великой войны, сохранив, по-видимому, достаточно крепкие связи со многими турецкими военными и политиками¹⁶.

Благодаря надежному трансферу власти после смерти Ататюрка в ноябре 1938 г. и высокой преемственности курса (по меньшей мере до конца Второй мировой войны) при И. Инёню возможности для очередного витка¹⁷ германского воздействия на развитие Турции в логике поэтапной ревизии Версальской системы, проведенной очередной раз в 1935—1939 гг. в Хатае при явном заимствовании опыта Саара, аншлюса и Судетенланда, следует оценить как очень крупные. Однако эскалация Второй мировой войны деформировала сложившуюся динамику, активно пестуемую опытным атташе, бывшим рейхсканцлером, а затем послом в Анкаре Ф. фон Папеном.

Пробой прогерманских и зачастую постосманских сил в регионе стали события, вызванные разгромом Франции и захватом колониальных владений вишистского правительства.

¹³ *Gossmann L.* The passion of Max von Oppenheim. Archaeology and Intrigue in the Middle East from Wilhelm II to Hitler. Cambridge, 2014.

¹⁴ *Wallach J.L.* Anatomie einer Militärhilfe. Die preussisch-deutschen Militärmissionen in der Türkei 1835—1919. Düsseldorf, 1976; *Ланник Л.В.* «Отуреченное офицерство»: персональное измерение межимперского коалиционного взаимодействия // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 10. URL: <https://history.jes.su/s207987840028560—5—1/дата> (дата обращения: 20.04.2024).

¹⁵ См.: *Mangold-Will S.* Begrenzte Freundschaft — Deutschland und die Türkei 1918—1933. Göttingen, 2013.

¹⁶ Роде был плодовитым публицистом еще до войны, но в 1920—1930-х годах продолжал анализ геополитической обстановки. См., например: *Rohde H.* Der Kampf um Asien: 2 Bde. Stuttgart, 1924—1926.

¹⁷ Прежний заканчивают 1938 г., что имеет ряд аргументов как за, так и против: *Grüßhaber G.* The “German Spirit” in the Ottoman and Turkish Army, 1908—1938: a history of military knowledge transfer. Berlin, 2018.

Достаточно слабо известная в России, в отличие от Великобритании и Франции, кампания весны—лета 1941 г. на Ближнем Востоке против иракских союзников Германии и войск генерала Анри Денца в Сирии и Ливане обрела бы куда меньшие масштабы, если бы не каналы германского влияния в регионе, заложенные еще в годы Великой войны. Глава Особого штаба «F» генерал люфтваффе Г. Фельми получил назначение на Ближний Восток благодаря своему богатому опыту в авиации на Палестинском фронте. Помимо ряда иных офицеров (В. Кольхааса, например¹⁸), попытке срочно развернуть способную противостоять британским войскам иракскую армию содействовали как германские дипломаты (Ф. Гробба, карьера которого в регионе стартовала задолго до Второй мировой войны)¹⁹, так и ряд других акторов, сохранявших статус частных лиц и регулярно координировавших действия с центральными инстанциями Третьего рейха. Офицерские круги, ориентировавшиеся на иракских лидеров из «Золотого квадрата», имели в виду не только политические параллели с националистическим и антизападным направлением в политике нацистов, но и конкретные примеры эффективности германской военной модели, которую могли транслировать лишь неофициальные инструкторы, а не дипломаты. Германские образцы не могли не быть притягательными для бывших офицеров османской армии в верхах Ирака (Сидки Бекри, Салах ад-Дин ас-Сабах, Махмуд Салман и др., то же касается и их политического противника Ясина аль-Хашими), имевших опыт союзнического взаимодействия, в том числе в Месопотамии и Палестине, и ориентировавшихся на прагматический подход кемалистов к частичному продолжению традиционного сотрудничества с военными специалистами из Центральной Европы. Именно поэтому стали возможны операции на базе ряда курдских кланов и после якобы столь безоговорочной победы Великобритании и ее союзников в схватке за Средний Восток в 1941 г.²⁰

Теснейшим образом с событиями в Ираке была связана и трагическая история очередного иранского нейтралитета. Богатый опыт воздействия на Персию, как позитивный, так и негативный, был получен Германией еще в годы Великой войны. В последующие два десятилетия его пытались дополнить и эффективно использовать те же чиновники внешнеполитического ведомства Германии (АА), что пытались добиться прогерманского курса Тегерана еще в 1914—1918 гг., в том числе Р. Надольны и В. фон Блюхер²¹. В годы Веймарской республики оба продолжили дипломатическую карьеру именно на Ближнем и Среднем Востоке, в столицах Турции и Персии. Позднее Надольны тщетно пытался «перезагрузить» советско-германские отношения на посту посла в Москве²². В. фон Блюхер в 1935 г. отправился на финальное в карьере назначение в Хельсинки, способствуя возрастанию влияния К.-Г. Маннергейма и форсированному укреплению заложенного в годы Великой войны и Гражданской войны в Финляндии «германо-финского боевого братства»²³.

Летом—осенью 1941 г. последовала повторная (после 1914—1918 гг.) оккупация Ирана войсками Великобритании и СССР, проведенная в рамках борьбы с укоренившимся и поистине комплексным германским влиянием, в том числе в военной сфере. С осени 1939 г. его курировал посол в Тегеране Э. Эттель, бывший кайзеровский флотский офицер, ряд лет проработавший в Турции и Персии, а затем в Колумбии в авиационной сфере

¹⁸ К сожалению, его мемуары почти неизвестны даже в Германии: *Kohlhaas W.* Hitler-Abenteuer im Irak. Ein Erlebnis-Bericht. Freiburg, 1989.

¹⁹ *Grobba F.* Männer und Mächte im Orient: 25 Jahre diplomatischer Tätigkeit im Orient. Göttingen u.a., 1967.

²⁰ Однако подробности продолжавшегося воздействия Германии на регион становятся известны лишь постепенно и почти неизвестны в отечественной историографии: *Rosbeiani P.Z.* Das Unternehmen "Mammut". Ein politisch-militärisches Geheimdienstunternehmen in Südkurdistan in den Jahren 1942/43 und seine Vorgeschichte: diss... Berlin, 2011.

²¹ *Blücher W.v.* Zeitenwende in Iran. Erlebnisse und Beobachtungen. Bieberach, 1949.

²² Botschafter Rudolf Nadolny: Rußlandkenner oder Rußlandversther? Aufzeichnungen, Briefwechsel, Reden 1917–1953 / Hrsg. W. Baumgart, J. Zinke. Paderborn, 2017.

²³ См. подробнее: *Jonas M.* NS-Diplomatie und Bündnispolitik 1935–1944: Wipert von Blücher, das Dritte Reich und Finnland. Paderborn u.a., 2011.

(от компании «Юнкерс»). Эттель не отказался от широких планов на Ближнем и Среднем Востоке и после того, как был вынужден покинуть Иран. Он занимался поддержкой панарабских и антибританских сил вплоть до конца 1943 г., очевидно, пользуясь тем фундаментом, что был заложен германскими эмиссарами еще в 1920–1930-е годы в процессе оформления всевластия Реза-шаха Пехлеви²⁴.

Не упускали в Берлине из виду и традиционный потенциальный плацдарм, речь идет об Афганистане, для удара по Индии, считавшегося смертельным для Британской империи. Неудача соответствующей миссии в годы Великой войны лишь доказала, что подобные проекты нуждаются в надежных контрагентах и длительной подготовке. Задержавшихся после побега из русского плена в Туркестане «в гостях у эмира» офицеров армий бывших Центральные держав²⁵ было для этого недостаточно, хотя их работа продолжалась и в 1930-е годы, и не только в Кабуле, но и в Герате, и Кандагаре. Необходимы были и местные контрагенты. Важнейшим посредником в германо-советско-афганских сделках стал влиятельный коммерсант и основатель банковской системы Афганистана А.М. Забули, роль которого в событиях 1917–1922 гг., к сожалению, не вполне ясна, однако вне сомнения предоставила ему широкие связи в Москве и не только. К концу 1920-х годов он добился огромного влияния на торговый оборот Афганистана и СССР²⁶, прибыли от которого шли на сделки через Берлин, в том числе в военной сфере. На посту министра торговли и промышленности Забули добился беспрецедентного сотрудничества Германии и Афганистана, бурного роста военной миссии офицеров вермахта в стране, а затем принял участие в очень широких планах совместных советско-германских усилий по наращиванию влияния в Центральной Азии. Партнерами Забули и занимавшего некоторое время пост посла в Берлине Гуляма Сиддик-хана Чархи²⁷ были Ф. Тодт и А. Шпеер, а также представитель организаций по экспорту вооружения в Кабуле К. Шнелль, выдающийся специалист по Турции посол в Кабуле К. Цимке, а также основные действующие лица германских миссий в Афганистане в 1915–1916 гг. В. фон Хентиг и О. Нидермайер²⁸ и ряд иных «специалистов по Востоку» в различных ведомствах Третьего рейха. Приданные различным «бюро» и «представительствам фирм» в Москве германские офицеры (А. Герстенберг, например) осуществляли координацию военного сотрудничества континентального масштаба. Главным фактором риска с осени 1933 г. стали конфликты между Германией и СССР, однако полностью сотрудничество не прекращалось, по-видимому, вплоть до лета 1941 г. Афганистан как общий антибританский плацдарм играл в этом взаимодействии более крупную роль, чем принято считать. С осени 1939 г. планировался многократный рост товарооборота, невозможный без советского содействия и едва ли направленный на цели исключительно мирного строительства инфраструктуры Афганистана. Многолетнее влияние Германии

²⁴ Данные о вкладе и позиции германских эмиссаров в приходе к власти династии Пехлеви лишь постепенно поступают в научный оборот. См. новейшую публикацию: Iran und der Aufstieg von Reza Schah: Telegramme und Berichte des Geschäftsträgers der Deutschen Gesandtschaft 1920–1925 / Hrsg. von W. Keitz. Berlin, 2023.

²⁵ Под давлением Британии они были выдворены из страны в начале 1920-х годов, но, по-видимому, не все или не навсегда. См.: Рыбичка Э. В гостях у афганского эмира. М., 1935.

²⁶ Целый ряд смежных сюжетов см.: Тихонов Ю.Н. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008.

²⁷ См. подробнее: Тихонов Ю.Н. Деятельность Гуляма Сиддик-хана Чархи в 1930–1945 гг. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2005. № 2. С. 40–50.

²⁸ Многие из взаимодействия Третьего рейха и Афганистана в 1930-х годах до сих пор не изучено, несмотря на ряд свидетельств и определенный интерес исследователей, в частности из-за засекреченности ряда документов, связанных с деятельностью Нидермайера в годы Второй мировой войны: Hentig W.O. Mein Leben, eine Dienstreise. Göttingen, 1962; Seidt H.-U. Berlin, Kabul, Moskau: Oskar Ritter von Niedermayer und Deutschlands Geopolitik. München, 2002.

на развитие афганской армии, индустрии и инфраструктуры²⁹ было купировано началом Великой Отечественной войны, однако неофициальные каналы сохранялись по меньшей мере несколько лет, как и в остальных странах Ближнего и Среднего Востока.

Огромные перспективы для будущей ревизии версальских ограничений усматривали в Восточной Азии, хотя в годы Великой войны Германская империя оказалась в состоянии войны как с ведущей региональной державой Японией, так и с охваченным расколом и вспылками гражданской войны Китаем³⁰. Лишившаяся Циндао и концессий в Китае, Германия справедливо полагала, что итогами участия в Великой войне в Поднебесной крайне недовольны, да и вступление в ряды воюющих держав последовало лишь под мощным давлением Антанты и на грани саботажа³¹. Бурное возмущение усилением японского влияния, в том числе за счет прежней германской сферы, и сильные антибританские настроения можно было использовать для постепенного восстановления военного и торгово-промышленного сотрудничества. Дополнительные шансы к этому открывали и советские контакты с крепнущим с начала 1920-х годов Гоминьданом, который с 1924–1925 гг. превратился в ядро будущего объединенного Китая. Сунь Ятсен симпатизировал германскому опыту национального объединения и питал уважение к индустриальной мощи, которую ему довелось наблюдать в Кайзеррейхе. Условием для конструктивной перезагрузки отношений были не только общие стратегические задачи «антиверсальского спектра», но и смена тональности³², переход от «политики канонерок»³³ к подлинно постколониальному взаимодействию без претензий на возвращение к эпохе Циндао и концессий.

С установлением весной 1927 г. сравнительно уверенного лидерства Чан Кайши и значительного расширения территории, подконтрольной его правительству, для германских военных миссий открылись возможности стратегического воздействия³⁴. Важнейшую роль в приглашении — поначалу в частном порядке и только отставных — германских генштабистов сыграл Чжу Цзяхуа, получивший образование в германских университетах и много лет занимавший министерские посты. В середине 1920-х годов он не раз предлагал уехать в Китай германским военным, по политическим причинам оказавшимся за пределами рейхсвера, в том числе М. Гофману, а потом тем, кто вынужден был покинуть его ряды, как В. Рейнхардт и В. Хайе. Однако долгое время планы срывались из-за различных обстоятельств, особенно личного характера, ведь никакого противодействия официальных германских инстанций замыслам неофициальных миссий в Китае не прослеживается, как и безусловной поддержки. Пользовавшийся крайне неоднозначной репутацией энтузиаст развития тяжелой артиллерии и химического оружия, бывший соратник Э. Людендорфа полковник Макс Бауэр³⁵, побывавший с военной миссией в Мадриде, а затем в Москве в 1923–1924 гг., с конца 1926 г. проложил дорогу массированному участию германской военной индустрии в наращивании сил Гоминьдана.

После того как он скончался в Шанхае в мае 1929 г. в разгар реализации проекта, на его место прибыл коллега и политический соратник полковник Г. Крибель, к тому времени

²⁹ См. общий обзор с концептуальным тезисом о значимости Германии: *Hauner M. Anspruch und Wirklichkeit: Deutschland als Dritte Macht in Afghanistan, 1915–1939 // Studien zur Geschichte Englands und der deutsch-britischen Beziehungen / Hrsg. von L. Kettenacker u. a. München, 1981. S. 222–244.*

³⁰ *Ratenhof U. Die Chinapolitik des Deutschen Reiches 1871 bis 1945: Wirtschaft, Rüstung, Militär. Boppard a.R., 1987 (zweite Auflage 2018).*

³¹ Великая война в Восточной Азии (не считая кампании под Циндао) пока на стадии первичного исследования: *The East Asian dimension of the First World War: global entanglements and Japan, China and Korea, 1914–1919 / eds J. Schmidt, K. Schmidt-pott. Frankfurt a.M.; New York, 2020.*

³² Это подчеркивали китайские исследователи: *Von der Kolonialpolitik zur Kooperation: Studien zur Geschichte der deutsch-chinesischen Beziehungen / Hrsg. von Kuo Heng-yü. München, 1986.*

³³ См. подробнее: *Eberspächer C. Die deutsche Yangtse-Patrouille: deutsche Kanonenbootpolitik in China im Zeitalter des Imperialismus 1900–1914. Bochum, 2004.*

³⁴ *Deutsch-chinesische Beziehungen 1928–1937. “Gleiche” Partner unter “ungleichen” Bedingungen. Eine Quellensammlung / Hrsg. von B. Martin, bearb. von S. Kuß. Berlin, 2003.*

³⁵ *Vogt A. Oberst Max Bauer. Generalstabsoffizier im Zwielicht. 1869–1929. Osnabrück, 1974.*

находившийся в тесном контакте с А. Гитлером и вместе с ним осужденный к пяти годам крепости в 1924 г. Радикальный националист не смог выстроить отношения с Чан Кайши, обладая слишком низким уровнем познаний о менталитете и культуре неевропейских наций. Тем не менее германские военные (как и экономисты) в Китае к этому моменту стали частью стратегического курса Веймарской республики, а потому якобы частные миссии «отставников» уже с трудом маскировались, а контроль центральных инстанций только усиливался. Последовательно поддерживали все новые проекты в Восточной Азии германские магнаты, в том числе владельцы пароходств, а также деловые круги в Шанхае, где значительно окрепла немецкая колония, затмившая культурный феномен в Циндао³⁶. В 1930 г. Крибеля сменил один из лучших генштабистов Германии, незадолго до этого ушедший в отставку глава Войскового управления Г. Ветцель, проработавший в Китае четыре года³⁷. Во время его миссии последовали болезненные поражения японо-китайской войны 1931–1932 гг., постоянно подталкивавшие к непростому выбору между дальнейшим усилением Китая (при неоднозначной, особенно после боев на КВЖД в 1929 г., позиции СССР) и перспективным союзником Японией. Для решения столь сложной задачи, как повышение устойчивости в бою китайской пехоты, не только велись массовые закупки (стальных шлемов, например), но и привлекались все новые инструкторы (которых вскоре было более полусотни).

Весной 1933 г. — к этому времени Япония вышла из Лиги Наций, а Германия из переговоров по разоружению — начались попытки привлечь к миссии при Чан Кайши Г. фон Секта. Могли сказаться и внутриполитические германские мотивы: были опасения мятежа рейхсвера против правительства А. Гитлера, пока это считалось возможным, т.е. до смерти в августе 1934 г. П. фон Гинденбурга, но после «дня Потсдама» 21 марта 1933 г.³⁸ В апреле-августе 1933 г. — отчитавшись после этого лично рейхспрезиденту — Сект предпринял далекую инспекционную поездку в Китай, не без колебаний согласившись принять миссию у коллеги Ветцеля. Он ссылаясь на возраст и нежелательное внимание великих держав к усилению германского влияния, однако в марте 1934 г. все же отправился на Дальний Восток в сопровождении двух полковников. Далеко не случайно в 1933–1935 гг. в длительном и якобы частного характера путешествии находился давний соратник и адъютант Г. фон Секта, дважды служивший военным атташе в Москве Г. Кёстринг³⁹. Он посетил ряд азиатских колоний (Британскую Индию, Бирму, Филиппины, будущие Индонезию и Малайзию), Сиам, Афганистан, Персию, Китай, Корею и Японию, всюду проводя многочисленные консультации с местными потенциальными агентами влияния, германскими эмиссарами и представителями военных элит. Вскоре в СССР Кёстринг получил возможность задействовать свой мировой кругозор для анализа бурных событий конца 1930-х годов, в чем ему весьма содействовал военно-морской атташе, опытный работник флотской разведки Н. фон Брумбах⁴⁰.

Миссия Секта при Чан Кайши оказалась недолгой, хотя сам он оценивал ее как успешную, причиной ее завершения через год стало состояние его здоровья. При отъезде Секта заранее подобранный его преемник А. фон Фалькенхаузен, имевший опыт работы в Османской империи, уже выезжал в Китай⁴¹. Его конструктивное содействие укреплению

³⁶ Freyeisen A. Shanghai und die Politik des Dritten Reiches. Würzburg, 2000.

³⁷ К сожалению, ни одной биографии Г. Ветцеля нет до сих пор, а сам он мемуаров или хотя бы статей о деталях своей миссии не оставил.

³⁸ В самой полной и первой из биографий Г. фон Секта данные события подаются, разумеется, совершенно иначе, ведь книга вышла еще в 1940 г.: Rabenau F.v., Seeckt H.v. Aus seinem Leben. Bd. 2. Leipzig, 1940. S. 676ff.

³⁹ General Ernst Köstring. Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion, 1921–1941 / bearb. von H. Teske. Frankfurt a.M., 1966.

⁴⁰ Пика сотрудничество достигло в 1939–1940 гг., см. подробнее: Philbin T.R. The lure of Neptune: German-Soviet naval collaboration and ambitions, 1919–1941. Columbia, 1994.

⁴¹ Его мемуары не опубликованы до сих пор, хотя представляют значительный интерес, сохранившиеся в целом ряде версий: Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). N246/40–48.

власти Гоминьдана в боях с коммунистами было осложнено началом очередной японо-китайской войны в июле 1937 г., которая способствовала принятию Берлином стратегического решения о переориентации дальнейших усилий в Восточной Азии на Японию. И до этого между китайскими военными и политиками и германскими советниками шли постоянные и принципиальные споры о стратегии развития вооруженных сил Гоминьдана⁴², однако долгое время это вело к кадровым решениям, но не к свертыванию совместного проекта в целом. С весны 1938 г. дальнейшая работа германской военной миссии — из-за позиции не только И. фон Риббентропа, но и Г. Геринга, блокировавшего военные поставки в Китай, — стала невозможной, хотя определенные контакты и каналы влияния сохранились и в дальнейшем⁴³. Содействовал этому лично Чан Кайши и его сын Цзян Вэйго, получивший военное образование в Германии и служивший в вермахте в первых его военных кампаниях⁴⁴. Хотя многообещающие проекты германского влияния на развитие националистического Китая, главным образом его военной промышленности и армии, были свернуты, результаты работы эмиссаров из Веймарской республики и Третьего рейха ощущались в армии Гоминьдана едва ли меньше, чем последствия советской военной помощи, особенно Народно-освободительной армии Китая, и вполне сопоставимы — даже при учете событий Второй мировой войны — с американскими усилиями по поддержке Чан Кайши и его режима.

С конца 1920-х годов в Китае действовали и другие подданные Германии по линии Коминтерна, следует выделить Г. Неймана и О. Брауна, однако результаты их вклада были направлены на благо СССР, а не Веймарской республики или Третьего рейха. В регионах, не охваченных официальными миссиями, в государствах, с которыми поддерживала отношения Германия, разведывательную информацию собирали неофициальные лица, имевшие разнообразное прикрытие, в частности культурно-научные миссии. Помимо широко известных — и не только собственно германских — примеров многогранной активности в Центральной Азии: многолетнего партнера высших военных инстанций Кайзеррейха и Веймарской республики Свена Хедина во Внешней Монголии и Синьцзяне и идеологизированных миссий Н.И. Рериха в Тибете, можно назвать продолжавшиеся не один десяток лет исследования на различных уровнях легальности выдающегося специалиста по Монголии и офицера резерва германской разведки в годы Великой войны Г. Констена⁴⁵.

«Пруссские» традиции были сильны и в стране Восходящего Солнца, определив специфическую позицию ее военных элит в эпоху мировых войн⁴⁶. Несмотря на горькое разочарование (вызванное ошибками в оценке ситуации) вступлением Японии в войну на стороне Антанты в конце августа 1914 г., в Германии были сильны позиции тех, кто полагал столкновение Токио с Лондоном и Вашингтоном неизбежным, а потому ожидал возможности использовать импульсы к неминуемой ревизии Версальско-Вашингтонской системы на Дальнем Востоке. Эти расчеты строились на очевидном недовольстве японских

⁴² Интересные результаты дает сопоставление взгляда германских и тайваньских специалистов на проблему: *Martin B.* Das Deutsche Reich und Guomindang-China, 1927–1941 // *Von der Kolonialpolitik zur Kooperation*. S. 325–375; *Ma Wen-ying.* Die deutsche Beraterschaft in China in der Zwischenkriegszeit 1927–38. Münster, 1996; *Che-Wei Chang.* Oskar Trautmann, ein deutscher Diplomat in Ostasien. Individuum, Nation und Diplomatie aus der Perspektive der Globalgeschichte, 1877–1950: diss... Bonn, 2021. S. 2–3, 93ff.

⁴³ Остатки миссии покинули Китай 5 июля 1938 г., а окончательный разрыв последовал только после признания Берлином правительства Ван Цзинвэя в июле 1941 г. См.: *Kirby W.C.* Germany and Republican China. Stanford, 1984.

⁴⁴ В его биографии существенного внимания германскому сюжету не уделяется, хотя сам маршал оценивал всех своих советников-немцев чрезвычайно высоко: *Панцов А.В.* Чан Кайши. М., 2019.

⁴⁵ Его биография лишь частично раскрывает не-научную сторону его деятельности, хотя контр-агенты Констена в его разведывательной работе не сомневались: *Götting D.* “Etzel”: Forscher, Abenteuer und Agent; die Lebensgeschichte des Mongoleiforschers Hermann Consten (1878–1957). Berlin, 2012.

⁴⁶ См.: *Japan und die Mittelmächte im Ersten Weltkrieg und in zwanziger Jahren* / Hrsg. von J. Kreiner. Bonn, 1986; *Krebs G.* Japan und die preussische Armee // *Japan und Preußen* / Hrsg. von G. Krebs. München, 2002. S. 125–144.

элит статусом их страны на Парижской конференции и явным блокированием дальнейшей экспансии Японии в Китае. С начала 1920-х годов (особенно с 1924 г.) целая группа флотских офицеров и инженеров, покровительствуемая бывшим главой германской дипломатии (АА) П. фон Хинтце, — А. Шинцингер, К. Хаке, В. фон Кнорр, Й.Б. Манн, при участии еще одного главы АА, а затем посла в Токио В. Зольфа, В. Канариса и К. Бартенбаха, а также служившего до Великой войны в Циндао В. Ломанна — проводила масштабную подготовку секретного военного сотрудничества с Японией⁴⁷. С 1933 г. необычайно активно содействовал интенсификации сотрудничества Г. Дирксен, сменивший пост посла в Москве на такой же в Токио⁴⁸. Велись разработки, как и в Аргентине, и СССР, например, в сфере химического и биологического оружия, ставились эксперименты по строительству современных субмарин в интересах флотов сотрудничающих стран, а также масштабный обмен разведывательной информацией. Несколько осторожнее в нелегальном флотоводческом (а также авиационном) взаимодействии с Германией проявили себя инстанции Нидерландов, Финляндии и Турции. До сих пор мало известна сфера сотрудничества спецслужб, имевшая зачастую не политический, а именно военный фокус⁴⁹.

Скандал вокруг нелегальных программ вооружений флота и якобы коррупционных сделок в военной индустрии — «аферы Ломанна» — окончательно стих лишь после гибели последнего в апреле 1930 г. Это вовсе не остановило дальнейшее развитие усилий в этой сфере, ведь стратегические условия — отказ Японии от союза с Великобританией по итогам Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. и во многом общие проблемы прежнего пути модернизации, воспринимаемого долгое время как «догоняющего» развития, — остались неизменными. Куда сложнее были этические моменты, связанные с развитием разного рода расовых теорий и реакции на них в Японии и Китае. После жестких стычек на Парижской конференции из-за постоянных кризисов Лиги Наций германские эмиссары в Восточной Азии обязаны были выбрать между усвоенными за десятилетия стереотипами и прагматикой стратегической подготовки к будущей схватке против Антанты. С приходом к власти нацистов и с резкой интенсификацией связей с Японией проблема стала более острой, вынудив к очень сложным трансформациям якобы незыблемых идеологических принципов⁵⁰. Однозначно оценить воздействие расистского компонента нацистской политики и очевидные усилия по обоснованию союза Токио и Берлина на успехи и пределы сотрудничества Японии и Третьего рейха не удастся, по-видимому, никогда.

С японской сферой влияния (по меньшей мере в контексте крепнущего в 1920–1930-х годах панasiatизма) был тесно связан Сиам, где также была определенная традиция взаимодействия с Германией⁵¹. Хотя отношения были омрачены участием королевства в Антанте и даже символическим присутствием сиамского контингента в оккупационных войсках в Рейнланде, противодействие давлению Великобритании и Франции и здесь вынуждало искать противовес гегемонам текущего мироустройства, которым, помимо Японии, могла стать только Германия. Сказывались и конфликты в Лиге Наций, членом которой был Сиам как страна-победитель, ведь правительство испытывало давление держав Запада под предлогом контроля над эпидемической обстановкой, а также борьбы с торговлей опиумом

⁴⁷ См. подробнее: *Sander-Nagashima B.J.* Deutsch-japanische Marinebeziehungen 1919–1942: diss... Hamburg, 1998.

⁴⁸ См.: *Dirksen H.v.* Moskau, Tokio, London. Erinnerungen und Betrachtungen zu 20 Jahren deutscher Außenpolitik 1919–1939. Stuttgart, 1949.

⁴⁹ Однако долгое время этому не уделялось внимания, в том числе из-за внешнеполитической конъюнктуры последующих десятилетий. См., например: *Silvennoinen O.* Geheime Waffenbrüderschaft: die sicherheitspolizeiliche Zusammenarbeit zwischen Deutschland und Finnland 1933–1944 / Aus dem K. Finn von, K. Reichel. Darmstadt, 2010.

⁵⁰ См.: *Bieber H.-J.* SS und Samurai. Deutsch-japanische Kulturbeziehungen 1933–1945. München, 2014.

⁵¹ См. подробнее: *Petersson N.P.* Imperialismus und Modernisierung: Siam, China und die europäischen Mächte 1895–1914. München, 2000.

и рецидивами работорговли⁵². Довоенного уровня — насколько известно к настоящему моменту⁵³ — участия Берлина и его эмиссаров в военном развитии и модернизации Таиланда вплоть до начала Второй мировой войны добиться не удалось, а позднее для этого не стало и шансов. Визиты высокопоставленных эмиссаров и культурный обмен не компенсировали отсутствие крупных военных контрактов и возможностей для столь необходимой Германии базы в Восточной Азии, которая бы не пересекалась с интересами Японии, а ее мог бы предоставить только Сиа́м. Территориальные амбиции правителей в Бангкоке и потребность в крупных инвестициях обусловили ориентацию Таиланда на Токио, что не исключало возможности наращивания германского влияния взамен заметно ослабевшего в серии политических переворотов 1920—1930-х годов британского.

Весьма широкие перспективы для временного переноса военных производств и опытов и крайне выгодного для индустрии Германии развития запрещенных технологий предоставляла Латинская Америка. Несмотря на крепнущее давление США и исторически (с начала XIX в.) господствующие позиции Великобритании⁵⁴, континент вплоть до окончания Второй мировой войны так и не стал зоной бесспорной гегемонии Лондона и Вашингтона или даже всех основных держав Антанты. Расстановка сил и симпатий существенно менялась от страны к стране и под влиянием перемен в международном разделении труда, так что определенные шансы на то, чтобы успешно конкурировать с традиционным гегемоном, были у Кайзеррейха и в Бразилии, и в Боливии⁵⁵, и с некоторыми оговорками, и в отдельные периоды в Мексике, Уругвае, Парагвае, Венесуэле и даже на Кубе.

Особенно прочные позиции Германия еще с конца XIX в. сохраняла в Чили и Аргентине, опираясь не только на опыт многолетних и успешных военных миссий в этих странах, но и на многочисленную немецкую диаспору (включая послевоенную, 1919—1921 гг., волну эмиграции), а также на явные симпатии военных элит, где было много офицеров, стажировавшихся в Кайзеррейхе, а в межвоенный период занявших высокие политические посты (генерал Х. Урибуру, Х. Перон). Германские генштабисты стояли у истоков высшего военного образования (академий генерального штаба) в ряде латиноамериканских стран, и десятки еще кайзеровских штаб-офицеров воспитали сотни командиров армий континента, особенно в тех его государствах, которым придавали исключительное значение и сулили — в контексте дредноутной гонки — заметное положение на мировой политической арене по меньшей мере до 1914 г. Закладывались основы постоянных поставок вооружений, которые всегда отличались значительной инерцией из-за высокой стоимости (и не только финансовой) перехода на продукцию иной национальной оружейной школы. Начало Первой мировой войны застало германские представительства в стадии развертывания дополнительных инстанций, в частности постов военно-морских атташе в нескольких странах Латинской Америки. Обрыв связей с Германией и крах надежд на постоянное крейсерство кайзеровских судов на коммуникациях мировой Британской империи прервало дальнейшее развитие каналов влияния Берлина на далекий регион⁵⁶, однако вовсе не ликвидировало их. Формально Латинская Америка оказалась в составе Антанты или — уже в ходе Парижской конференции — «ассоциированных с ней наций». Власти Веймарской республики скептически оценивали возможности дальнейшего проведения

⁵² См.: *Hell S.M. Siam and the League of Nations. Modernization, sovereignty and multilateral diplomacy, 1920–1940: diss...* Leiden, 2007.

⁵³ См. подробнее: *Stoffers A. Thailand und Deutschland: Wirtschaft, Politik und Kultur.* Berlin; Heidelberg, 2014.

⁵⁴ Целый ряд сюжетов по отдельным странам Иberoамерики см.: Великобритания и Латинская Америка (XVI—XXI вв.) / под ред. Е.А. Ларина. М., 2022.

⁵⁵ См. подробнее: *Schäfer J. Deutsche Militärhilfe an Südamerika. Militär- und Rüstungsinteressen in Argentinien, Bolivien und Chile vor 1914.* Düsseldorf, 1974. Широкий контекст германской активности в Латинской Америке в годы Великой войны см.: *Rinke S. Im Sog der Katastrophe: Lateinamerika und der Erste Weltkrieg.* Frankfurt a.M.; New York, 2015.

⁵⁶ См. подробнее: *Giessler K.-V. Die Op. cit.* S. 211–213.

Weltpolitik, но лишь в первые годы межвоенного периода. Версальский диктат достаточно быстро мотивировал к формированию новых военных миссий на прежних направлениях и порой даже во главе с теми же специалистами.

В 1921 г. в Аргентину на пять лет вернулся успешно работавший в стране до Великой войны и существенно укрепивший по ее итогам авторитет выдающегося генштабиста В. Фаупель. Одновременно в Боливию вновь прибыл довоенный реформатор ее армии полковник Г. Кундт. Будущий глава Иbero-Американского института и представитель при Ф. Франко Фаупель повлиял и на военно-политическое развитие Перу. Вопреки давлению Антанты, уже в 1925 г. Чили официально пригласило германских инструкторов, проработавших в стране до 1937 г. Нарращивание германского влияния привело к быстрому росту торгового оборота, превысившего максимумы начала 1910-х годов. В Чили набирали популярность движения, ориентировавшиеся на фашистские и нацистские лозунги и атрибутику. В Колумбии реализовывали масштабные проекты в сфере авиации (по меньшей мере до официального появления люфтваффе), ведь фирма «Юнкерс» нуждалась в развитии на разных площадках, снижая свою зависимость от СССР, где совместное производство в Филях закончилось еще в 1926 г.⁵⁷ Сильный удар по германской экспансии за Атлантикой нанесла Великая депрессия⁵⁸, хотя она же предоставила дополнительные возможности для пересмотра сложившихся и казавшихся неизменными границ сфер влияния. Лишь начало Второй мировой войны и резкое ослабление связей Латинской Америки и Третьего рейха прервало дальнейшее развитие данной тенденции, постепенно вернув потенциальных союзников Германии на проамериканский и пробританский курс, однако исторический след германских военных миссий не следует недооценивать. Принявшие чилийское подданство Г. фон Кислинг и О. Циппелиус провели в работе по укреплению армии и полиции Чили остаток жизни, сохраняя влияние до окончания Второй мировой войны. Аргентина, благодаря межвоенному сотрудничеству, стала одним из основных центров (пост)нацистской эмиграции⁵⁹.

Повышенное внимание военных инстанций Веймарской республики, а затем Третьего рейха к Южной Америке обеспечивал много лет проработавший в иbero-американском пространстве В. Канарис. На основе личных контактов с королем Альфонсом XIII он полагал, что действительно широкие возможности открываются не только в Новом Свете, но и собственно в Испании⁶⁰, пережившей крайне травматический опыт войны в Марокко, а затем годами балансировавшей на грани гражданской войны, пока она не разразилась летом 1936 г. Испания не только нуждалась в нелегальных поставках вооружений из Германии, но и была готова принять офицеров, желавших продолжить военную карьеру, хотя бы в статусе добровольцев в колониальной войне. Именно так предвзяли опыт легиона «Кондор», формированием которого занимался Г. Вильберг, проводивший в рейхсвере весь период нелегального развития германской военной авиации⁶¹. Прикрывал действия легиона один из ближайших соратников Г. фон Секта, имевший большой опыт работы в Османской империи, Г. Фишер, для этого к 1937 г. покинувший перспективную карьеру военного атташе (в Будапеште и Риме). Успешное для Третьего рейха окончание Гражданской войны в Испании показало не только перспективы последовательной работы по воздействию на военные элиты потенциальных союзников, но и границы импровизированного прямого

⁵⁷ См.: *Schmitt G.* Hugo Junkers und seine Flugzeuge. Stuttgart, 1986. S. 130–145.

⁵⁸ *Rinke S.* Der letzte freie Kontinent: deutsche Lateinamerikapolitik im Zeichen transnationaler Beziehungen, 1918–1933: 2 Bde. Stuttgart, 1996.

⁵⁹ Разумеется, историю германо-аргентинских отношений едва ли корректно сводить именно к такому аспекту, ведь оно имеет более сложную структуру. См.: *Die Beziehungen zwischen Deutschland und Argentinien* / Hrsg. von P. Birle. Frankfurt a.M., 2010.

⁶⁰ В отличие от большинства работ о Канарисе, концентрирующихся на его неоднозначной карьере в годы Третьего рейха, одно из недавних исследований рассматривает его не менее интересную, но куда менее известную деятельность до 1934 г.: *Suhr H.* Wilhelm Canaris: Lehrjahre eines Geheimdienstchefs (1905–1934). Kiel; Hamburg, 2020.

⁶¹ См. подробнее: *Corum J.* The Luftwaffe: Creating the Operational Air War, 1918–1940. Lawrence, 1997.

военного участия в региональных конфликтах, а также способствовало определенной эйфории в ряде германских инстанций, ускорив отказ от многолетней, затратной, но поистине плодотворной стратегии формирования союзников по ревизии Версальского-Вашингтонского устройства по всему миру.

Приведенной палитры примеров массовой германской военно-политической активности во многих странах мира, не считая Антанту и ее сателлитов, а также СССР (что требует особого очередного рассмотрения), достаточно, чтобы систематизировать данный опыт в рамках общего явления последовательной подготовки ревизии Версаля на дипломатическом и военно-техническом фундаменте не только после прихода Гитлера к власти, но и почти непрерывно с момента подписания договора от 28 июня 1919 г. Это позволило бы отказаться от априорных концепций «республиканской интермедии» и весьма спорного разрыва в не менее спорном континуитете между Вторым и Третьим рейхами по крайней мере в данном аспекте⁶².

С учетом приоритетов современной историографии, часто фиксирующей на сфере образов, на особенностях рецепции и на межкультурном трансфере, тематика германских военных миссий различной степени официальности может стать весьма востребованной для истории «ориентализма» и «окцидентализма» различных версий, трансформации набора «околоколониальных» воззрений в среде тех военных специалистов и тем более дипломатов, что оказались весьма устойчивы к нацистской идеологии именно благодаря своему «заморскому» опыту. Либо, напротив, посчитали ультранационалистический курс единственной возможностью совместить интересы Германии и нуждающихся в ее поддержке в борьбе с гегемонией Запада ряда государств Азии, Африки и Латинской Америки. Ключевым параметром, позволяющим проводить сравнение между преимущественно официальными довоенными миссиями кайзеровских офицеров в различных странах и зачастую неофициальными, либо куда более индивидуальными командировками отставных офицеров рейхсвера, кажется, на первый взгляд, сам статус эмиссаров. Однако при всей важности этой характеристики для моделей контроля центральными инстанциями в Берлине и для условия пребывания в стране-реципиенте зачастую официальность миссии является лишь ресурсным коэффициентом, а неофициальность никак не отменяет ни общей логики работы эмиссара, ни его мотивации.

Особой проблемой является обеспечение источниками базовых гипотез о трансформации восприятия миссий и той периферии, где им приходилось работать. Служебные отчеты зачастую отсутствуют или не содержат эмоционально окрашенных нюансов, особенно важных для исследования данного аспекта. Неофициальные отзывы носили частный характер, а потому их обнаружение почти непосильно для отдельного исследователя. Столь популярный некогда контент-анализ, в данном случае мемуарной литературы, едва ли релевантен, ведь слишком много параметров, делающих любые выводы манипулятивными: от условий и сроков написания и издания до возможности и намерения публиковать те или иные воспоминания, от авторских приоритетов в изложении и стиле до намеренных фальсификаций со стороны издателей и т.д. Невзирая на указанные проблемы, материалы военных миссий, особенно межвоенного периода, крайне показательны, ведь тональность в очном взаимодействии изменилась необратимо хотя бы из-за травмы поражения Германии (и ее союзников), из-за порой стесненных личных обстоятельств эмиссаров, в связи с общей динамикой кризиса доминирования Европы, весьма отчетливой задолго до крушения колониальной системы. Репутация и самоощущение кайзеровского офицера 1914 г. и отставного (порой вынужденно) офицера рейхсвера рубежа 1920–1930-х годов, которым довелось продолжить службу отечеству за рубежом, особенно вдали от «цивилизованного

⁶² Хотя наличествует и ряд других сфер, которые предоставляют массу аргументов в пользу пересмотра столь устоявшейся схемы: Германская империя – Веймарская республика – Третий рейх; например, конституционное устройство Германии в 1871–1945 гг.

мира», весьма отличаются, вопреки значительной преемственности во многих параметрах формирования военной элиты на протяжении первой половины XX в.

Перспективным направлением исследований может стать сравнительная характеристика опыта неофициальных, а то и вынужденных военных миссий за рубежом офицеров из разных стран, не имевших — временно или навсегда — возможности продолжить военную карьеру на родине. Далеко не случайно судьба сталкивала их в самых разных уголках мира или в составе одной из армий, но куда чаще по разные стороны фронта в многочисленных региональных конфликтах. Очередной раунд схватки между русским и германским офицерством в войне Чак в 1932–1935 гг. лишь наиболее яркий и известный тому пример, наряду с серией эпизодов в Гражданской войне в Китае, особенно в 1934–1937 гг. Не менее захватывающей дуэлью оставалось и противостояние контрразведок и разведчиков-востоковедов РККА⁶³ и рейхсвера/вермахта (в Турции, Афганистане, Китае, Японии...), исследование которого способно существенно обогатить представление о многих процессах и событиях в схватке основных игроков на международной арене межвоенного периода.

Библиография / References

- Великобритания и Латинская Америка (XVI–XXI вв.) / под ред. Е.А. Ларина. М., 2022.
- Густерин П.В. Восточный факультет Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе. Саарбрюккен, 2014.
- Ланник Л.В. «Отуреченное офицерство»: персональное измерение межимперского коалиционного взаимодействия // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 10. URL: <https://history.jes.su/s207987840028560-5-1/> (дата обращения: 20.04.2024).
- Ланник Л.В. Непосильная гегемония. Германская империя на фронтах Гражданской войны в России. СПб., 2023.
- Ланник Л.В. Победоносные проигравшие. Германская военная элита 1914–1921. СПб., 2016.
- Ланник Л.В. Политические факторы трансформации кайзеровской военной элиты: на пути к рейхсверу 1918–1921 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 3 (27). С. 324–332.
- Ланник Л.В. Проблема сохранения кадрового потенциала германского офицерства в условиях версальских ограничений // Первая мировая война, Версальская система и современность. Вып. 3. СПб., 2015. С. 343–354.
- Рыбичка Э. В гостях у афганского эмира. М., 1935.
- Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...»: Запад и военная элита России (1900–1914 гг.). М., 2001.
- Тихонов Ю.Н. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008.
- Тихонов Ю.Н. Деятельность Гуляма Сиддик-хана Чархи в 1930–1945 гг. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2005. № 2. С. 40–50.
- Gusterin P.V. Vostochnyi fakul'tet Voennoi akademii RKKA im. M.V. Frunze [Oriental Faculty of the Military Academy of the Red Army named after M.V. Frunze]. Saarbrücken, 2014. (In Russ.)
- Lannik L.V. "Otturechennoe ofitserstvo": personal'noe izmerenie mezhipersko-go koalitsionnogo vzaimodeistviia ["Renounced officers": a personal dimension of inter-imperial coalition interaction] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2023. T. 14. Vyp. 10. URL: <https://history.jes.su/s207987840028560-5-1/> (access date: 20.04.2024). (In Russ.)
- Lannik L.V. Neposil'naia gegemoniia. Germanskaia imperiia na frontakh Grazhdan-skoi voiny v Rossii [Unbearable hegemony. The German Empire on the fronts of the Civil War in Russia]. Sankt-Peterburg, 2023. (In Russ.)
- Lannik L.V. Pobedonosnye proigravshie. Germanskaia voennaia elita 1914–1921 [Victorious losers. The German military elite 1914–1921]. Sankt-Peterburg, 2016. (In Russ.)
- Lannik L.V. Politicheskie faktory transformatsii kaizerovskoi voennoi elity: na puti k reikhsveru 1918–1921 gg. [Political factors of the transformation of the Kaiser's military elite: on the way to the Reichswehr 1918–1921] // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniia [Historical Journal: scientific research]. 2015. № 3 (27). S. 324–332. (In Russ.)
- Lannik L.V. Problema sokhraneniia kadrovogo potentsiala germanskogo ofitserstva v usloviakh versal'skikh ogranichenii [The problem of preserving the personnel potential of the German officers in the conditions of the Versailles restrictions] // Pervaia mirovaia voina, Versal'skaia sistema i sovremennost' [The First World War, the Versailles system and modernity]. Vyp. 3. Sankt-Peterburg, 2015. S. 343–354. (In Russ.)

⁶³ Ряд сведений см.: Густерин П.В. Восточный факультет Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе. Саарбрюккен, 2014.

- Rybachka E. V gostiakh u afganskogo emira* [Visiting the Afghan Emir]. Moskva, 1935. (In Russ.)
- Sergeev E. Iu.* "Inaia zemlia, inoe nebo...": Zapad i voennaia elita Rossii ["Another earth, another sky...": The West and the military elite of Russia] (1900–1914 gg.). Moskva, 2001. (In Russ.)
- Tikhonov Iu. N.* Afganskaia voina Stalina. Bitva za Tsentral'nuiu Aziyu [Stalin's Afghan War. The Battle for Central Asia]. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Tikhonov Iu. N.* Deiatel'nost' Gulama Siddik-khana Charkhi v 1930–1945 gg. [The activities of Ghulam Siddiq-Khan Charkhi in 1930–1945] // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost' [East. Afro-Asian societies: history and modernity]. 2005. № 2. S. 40–50. (In Russ.)
- Velikobritaniia i Latinskaia Amerika (XVI–XXI vv.) [Great Britain and Latin America (16th–21st centuries)] / pod red. E. A. Larina. Moskva, 2022. (In Russ.)
- Beck A. M.* Hitler's Ambivalent Attaché: Gen. Lt. Friedrich von Boetticher in America 1933–1941. Washington, 2005.
- Bieber H.-J.* SS und Samurai. Deutsch-japanische Kulturbeziehungen 1933–1945. München, 2014.
- Blücher W. v.* Zeitenwende in Iran. Erlebnisse und Beobachtungen. Biberach, 1949.
- Botschafter Rudolf Nadolny: Rußlandkenner oder Rußlandversteh'er? Aufzeichnungen, Briefwechsel, Reden 1917–1953 / Hrsg. W. Baumgart, J. Zinke. Paderborn, 2017.
- Budraß L.* Flugzeugindustrie und Luftrüstung in Deutschland 1918–1945. Düsseldorf, 1997.
- Che-Wei Chang.* Oskar Trautmann, ein deutscher Diplomat in Ostasien. Individuum, Nation und Diplomatie aus der Perspektive der Globalgeschichte, 1877–1950: diss... Bonn, 2021.
- Corum J.* The Luftwaffe: Creating the Operational Air War, 1918–1940. Lawrence, 1997.
- Deutsch-chinesische Beziehungen 1928–1937. "Gleiche" Partner unter "ungleichen" Bedingungen. Eine Quellensammlung / Hrsg. von B. Martin, bearb. von S. Kuß. Berlin, 2003.
- Die Beziehungen zwischen Deutschland und Argentinien / Hrsg. von P. Birle. Frankfurt a. M., 2010.
- Dirksen H. v.* Moskau, Tokio, London. Erinnerungen und Betrachtungen zu 20 Jahren deutscher Außenpolitik 1919–1939. Stuttgart, 1949.
- Eberspächer C.* Die deutsche Yangtse-Patrouille: deutsche Kanonenbootpolitik in China im Zeitalter des Imperialismus 1900–1914. Bochum, 2004.
- Falkenhause A. v.* Erinnerungen: Bundesarchiv-Militärarchiv. N 246/40-48.
- Freyeisen A.* Shanghai und die Politik des Dritten Reiches. Würzburg, 2000.
- Gehirne der Armeen? Die Generalstäbe der europäischen Mächte im Vorfeld der Weltkriege / Hrsg. von L. Grawe. Paderborn, 2023.
- General Ernst Köstring. Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion, 1921–1941 / bearb. von H. Teske. Frankfurt a. M., 1966.
- Giessler K.-V.* Die Institution des Marineattachés im Kaiserreich. Boppard a. R., 1976.
- Gossmann L.* The passion of Max von Oppenheim. Archaeology and Intrigue in the Middle East from Wilhelm II to Hitler. Cambridge, 2014.
- Götting D.* "Etzel": Forscher, Abenteurer und Agent; die Lebensgeschichte des Mongoleiforschers Hermann Consten (1878–1957). Berlin, 2012.
- Göttrup H.* Wilhelm Wassmuss: Der deutsche Lawrence. Berlin, 2013.
- Grawe L.* Deutsche Feindaufklärung vor dem Ersten Weltkrieg: Informationen und Einschätzungen des deutschen Generalstabs zu den Armeen Frankreichs und Russlands 1904 bis 1914. Paderborn, 2017.
- Grimmer-Solem E.* Learning Empire: Globalization and the German Quest for World Status, 1875–1919. Cambridge, 2021.
- Grobba F.* Männer und Mächte im Orient: 25 Jahre diplomatischer Tätigkeit im Orient. Göttingen u. a., 1967.
- Grüßhaber G.* The "German Spirit" in the Ottoman and Turkish Army, 1908–1938: a history of military knowledge transfer. Berlin, 2018.
- Hauner M.* Anspruch und Wirklichkeit: Deutschland als Dritte Macht in Afghanistan, 1915–1939 // Studien zur Geschichte Englands und der deutsch-britischen Beziehungen / Hrsg. von L. Kettenacker u. a. München, 1981. S. 222–244.
- Hell S. M.* Siam and the League of Nations. Modernization, sovereignty and multilateral diplomacy, 1920–1940: diss... Leiden, 2007.
- Hentig W. O.* Mein Leben, eine Dienstreise. Göttingen, 1962.
- Japan und die Mittelmächte im Ersten Weltkrieg und in zwanziger Jahren / Hrsg. von J. Kreiner. Bonn, 1986.
- Jonas M.* NS-Diplomatie und Bündnispolitik 1935–1944: Wipert von Blücher, das Dritte Reich und Finnland. Paderborn u. a., 2011.
- Kehrig M.* Die Wiedereinrichtung des deutschen Attachedienstes nach dem Ersten Weltkrieg (1919–1933). Boppard a. R., 1966.
- Kiesling auf Kieslingstein H. v.* Soldat in drei Weltteilen. Leipzig, 1935.
- Kirby W. C.* Germany and Republican China. Stanford, 1984.
- Kohlhaas W.* Hitler-Abenteuer im Irak. Ein Erlebnis-Bericht. Freiburg, 1989.

- Krebs G.* Japan und die preussische Armee // Japan und Preußen / Hrsg. von G. Krebs. München, 2002. S. 125–144.
- Ma Wen-ying.* Die deutsche Beraterschaft in China in der Zwischenkriegszeit 1927–38. Münster, 1996.
- Mangold-Will S.* Begrenzte Freundschaft – Deutschland und die Türkei 1918–1933. Göttingen, 2013.
- Martin B.* Das Deutsche Reich und Guomindang-China, 1927–1941 // Von der Kolonialpolitik zur Kooperation: Studien zur Geschichte der deutsch-chinesischen Beziehungen / Hrsg. von Guo Heng-yü. München, 1986. S. 325–375.
- Meisner M.O.* Militärattachés und Militärbevollmächtigte in Preussen und im Deutschen Reich: Ein Beitrag zur Geschichte der Militärdiplomatie. Berlin, 1957.
- Petersson N.P.* Imperialismus und Modernisierung: Siam, China und die europäischen Mächte 1895–1914. München, 2000.
- Philbin T.R.* The lure of Neptune: German-Soviet naval collaboration and ambitions, 1919–1941. Columbia, 1994.
- Rabenau F.V., Seeckt H.V.* Aus seinem Leben. Bd. 2. Leipzig, 1940.
- Ratenhof U.* Die Chinapolitik des Deutschen Reiches 1871 bis 1945: Wirtschaft, Rüstung, Militär. Boppard a.R., 1987.
- Remmele B.* Die maritime Geheimrüstung unter Kapitän z.S. Lohmann // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1997. № 56. S. 313–376.
- Riccus W.* Die Institution der Marineattachés. Berlin, 2023.
- Rinke S.* Der letzte freie Kontinent: deutsche Lateinamerikapolitik im Zeichen transnationaler Beziehungen, 1918–1933: 2 Bde. Stuttgart, 1996.
- Rinke S.* Im Sog der Katastrophe: Lateinamerika und der Erste Weltkrieg. Frankfurt a. M.; New York, 2015.
- Rohde H.* Der Kampf um Asien: 2 Bde. Stuttgart, 1924–1926.
- Rosbeiani P.Z.* Das Unternehmen “Mammut”. Ein politisch-militärisches Geheimdienstunternehmen in Südkurdistan in den Jahren 1942/43 und seine Vorgeschichte: diss... Berlin, 2011.
- Sander-Nagashima B.J.* Deutsch-japanische Marinebeziehungen 1919–1942: diss... Hamburg, 1998.
- Schäfer J.* Deutsche Militärhilfe an Südamerika. Militär- und Rüstungsinteressen in Argentinien, Bolivien und Chile vor 1914. Düsseldorf, 1974.
- Schmitt G.* Hugo Junkers und seine Flugzeuge. Stuttgart, 1986.
- Seidt H.-U.* Berlin, Kabul, Moskau: Oskar Ritter von Niedermayer und Deutschlands Geopolitik. München, 2002.
- Silvennoinen O.* Geheime Waffenbrüderschaft: die sicherheitspolizeiliche Zusammenarbeit zwischen Deutschland und Finnland 1933–1944 / Aus dem K. Finn von, K. Reichel. Darmstadt, 2010.
- Stoffers A.* Thailand und Deutschland: Wirtschaft, Politik und Kultur. Berlin; Heidelberg, 2014.
- Suhr H.* Wilhelm Canaris: Lehrjahre eines Geheimdienstchefs (1905–1934). Kiel; Hamburg, 2020.
- The East Asian dimension of the First World War: global entanglements and Japan, China and Korea, 1914–1919 / eds J. Schmidt, K. Schmidtpott. Frankfurt a.M.; New York, 2020.
- Vogt A.* Oberst Max Bauer. Generalstabsoffizier im Zwielficht. 1869–1929. Osnabrück, 1974.
- Von der Kolonialpolitik zur Kooperation: Studien zur Geschichte der deutsch-chinesischen Beziehungen / Hrsg. von Guo Heng-yü. München, 1986.
- Wallach J.L.* Anatomie einer Militärhilfe. Die preussisch-deutschen Militärmissionen in der Türkei 1835–1919. Düsseldorf, 1976.